

Муниципальный этап
Всероссийской олимпиады школьников по литературе

10 класс

Задание №1

Выполните анализ ОДНОГО из предложенных текстов (на выбор).

Текст №1

ИРИНА ПОЛЯНСКАЯ

ДЕТСКИЕ “СЕКРЕТЫ”

В детстве мои родители прилагали большие усилия, чтобы убедить меня сделать *шаг* — совершить какой-то самостоятельный поступок, который, по их мнению, мог укрепить и закалить мой характер и в какой-то мере определить мою будущую судьбу. Они приводили мне в пример мальчика-калеку, научившегося прыгать через лужи, и слепого музыканта, которые совершали невероятные усилия и проявляли незаурядную волю, чтобы сделать этот шаг, меняющий их жизнь, после чего слепые прозревали, а безногие обретали способность ходить. Мне было девять лет, и, по их мнению, я еще копошилась в пеленках, как младенец, с детским упрямством откладывая этот *шаг* на потом, на неопределенное будущее. В то время я больше любила рассматривать в книгах картинки, чем читать их. Родители прятали от меня детские журналы “Веселые картинки” и “Мурзилку”, в которых Цветик-Семицветик был составлен из лепестков маттиолы, резеды, табака, сирени, золотого шара, ириса и маргаритки, где графини Вишни в бальных платьях, похожих на розетки мальвы, учили правилам поведения очкастого мальчика Вишенку, где из Трех Апельсинов являлись на свет три прекрасные девушки, где Дюймовочка спасалась от жаб на листе кувшинки с запряженными речными стрекозами. Детские журналы прятали от меня в чулан, ключ от которого, вероятно, поручили суровой Мальвине с голубыми волосами, но я научилась находить картинки во взрослых книгах. Увы, они были лишены красок, радующих детское зрение, но изящная линия, тонкий абрис лица, набросок пейзажа давали моей фантазии такую богатую пищу, что я не нуждалась в чтении.

Я любила картинки, потому что в то лето дети нашего города были охвачены повальным увлечением — строительством “секретов”. “Секрет” — это детская тайна. Чтобы его построить, в ход шло все, что угодно: куриные перья, скорлупа ореха, пуговицы, старая брошь, камешек горного хрусталя, а главное — цветы, обрамлявшие эти сокровища: розово-пурпурные наперстянки, снежно-белые лилии, оранжевые бархатцы и шишки, сережки ольхи, ключики липы. Мы делали ямку в земле, таясь друг от друга или всей заветной компанией, устилали дно перышками, поверх них клали сирень или

жасмин, а вокруг располагали прочие ценности, — все это покрывалось осколком стекла и сверху засыпалось землей. “Секреты” поддерживали во мне нежелание читать, потому что любые книги оказывались беднее имевшихся в них картинок.

Родители хоть и внушали мне идею сделать *шаг*, настаивали на этом не слишком решительно, потому что в то время я была немного больна. Главный специалист по моему заболеванию, известный врач-профессор, жил в городе Казани на Волге. В Казань однажды и отправили меня обеспокоенные родители — в гости к одной старой даме, с которой состояли в длительной переписке. Когда-то они, совсем юные, познакомились с ней в поезде.

Собирая меня в путь, они всячески расхваливали эту Эльзу Филаретовну, бывшую актрису и весьма начитанную даму. Старушка заранее наводила на меня страх. В нашем замечательном городе людей звали просто — Ольга да Людмила, Владимир да Михаил, и отчества у них были легкие — Петровичи, Николаевичи... А тут — Эльза Филаретовна. Она присылала нам пухлые письма, в которых описывала свои впечатления от очередной прочитанной книги. Она была ненасытной читательницей.

На вокзале в Казани меня встретила маленькая старушка под ветхим зонтом Оле-Лукойе, в длинной юбке и резиновых ботах. Я сразу узнала ее. Эльза Филаретовна должна была иметь экзотический вид, и она не обманула мои ожидания. В руках ее была корзинка, в которой сидел жирный серый кот. Сначала она жарко обняла меня, и слезы радости потекли по ее морщинистому лицу. Волнение Эльзы Филаретовны уравнивалось невозмутимым спокойствием ее кота. Что-то сразу утвердило меня в мысли, что я здесь — старшая. Вскоре это подтвердилось: схватив ее за руку, я едва успела уберечь ее от колес автобуса. Я то и дело подбирала очки, падающие с ее носа в корзину с котом. Из ее рук я взяла букет гладиолусов, который она забыла вручить мне при встрече. Эльза Филаретовна все говорила, говорила о том, как она рада встрече со мной, как она любит моих родителей, замечательных людей, обожающих, как и она, читать книги. Мы то и дело останавливались, потому что Эльза Филаретовна не могла налюбоваться мной. Пока мы дошли до дома, я все узнала про нее: когда-то она играла на сцене Нину Заречную, а потом Аркадину, Ларису Огудалову, а потом ее маменьку, а теперь она играет чудную роль зрителя, сидящего на галерке, потому что сил не стало репетировать и выходить на сцену. По дороге мы потеряли ее букет и дважды оставляли корзинку с ее флегматичным котом на скамейках, на которые усаживались отдыхать. А когда мы дошли до ее дома, выяснилось, что мы потеряли мою сумку с вещами. Но возвращаться и искать ее не стали: Эльза Филаретовна сказала, что купит мне новые вещи, она специально откладывала на это деньги с пенсии.

Мы вошли в старый деревянный дом. Вдоль стен огромной комнаты, в которой жила Эльза Филаретовна, тянулись высокие полки с книгами. Это были необычные книги: старые, с золотым тиснением на корешках большие фолианты и книги в матерчатых обложках... Сколько же здесь должно быть

замечательных картинок, подумала я. Накормив меня обедом, Эльза Филаретовна отправилась к профессору, чтобы он назначил нам время для приема. Я взяла тонкую книгу в шелковой обложке, на которой были нарисованы поникшие красные лилии, раскрыла, надеясь увидеть прекрасные гравюры, которыми полнились старые книги, но со страницы легкий, как бабочка, слетел истончившийся от времени бледно-пурпурный лепесток мака... И сколько я потом ни открывала эту книгу, из нее вылетала то веточка вербены, то хрупкий, еще сохранивший свой аромат молочно-белый цветок жасмина, то вьюнок, то розовый колокольчик. Взяв колокольчик пальцами, я машинально наложила его на буквы, как стекло на детский “секрет”, и прочитала: “Потому что ваш образ был так тесно слит с моим сердцем, что изменялся каждый день, как в действительной жизни. И сегодняшний становился на место вчерашнего”. Прочитав эту фразу, я подумала: если вдруг разразятся страшные катаклизмы, в которых сгинут люди и книги, то наши цветочные детские “секреты” в корнях дуба или клена наверняка уцелеют... Сквозь прозрачный лепесток мака я словно со дна пурпурной реки прочитала слова: “Мы пришли... Царит такая темнота, что вход в пещеру не отличишь от ночного мрака. В этой стороне нет звезд”. Я провела веточкой вербены по словам: “Я полон радости и в то же время чувствую тоску, точно вся тяжесть неба и земли лежит на мне”. Сдвинула в сторону вьюнок: “Ты спишь, моя Ариэль, ты моя внутренняя сила, скрытое могущество, которое дремлет в каждой душе...” Жасмином пахли слова: “Как красивы все семь! О, как они бледны, все семь! Но почему они спят, все семь?” В тени хмеля я прочитала откровение, более всего поразившее меня: “В Венеции, в одно июльское утро. Мой отец, старый ювелир, принес вашей матушке жемчужное ожерелье... Я же бродил по саду. Тогда-то я встретил вас, среди мирт, у мраморного бассейна...”

Лепестки цветов, как солнечные пятна, бродили по книге, озаряя необычные, удивительные слова, так не похожие на те, что я читала в книгах для внеклассного чтения. Те слова завяли на корню, эти — расцвели на моих глазах, как драгоценные “секреты”, потому что были написаны на волшебном детском языке, озаренном жемчужным светом. А между тем действие в пьесах — это были драмы — происходило в мрачных замках, куда не проникал солнечный свет из-за высокой стены сосен, в сырых подземельях, освещенных коптящими факелами, у огромной, обитой железом двери, за которой умирал ребенок, в пещере, по стенам которой струились мириады голубых роз, в осажденной крепости с умирающими от голода людьми, в мраморных залах, убранных лавром и лавандой, в заглохшем саду... Лежа на ковре рядом с мурлычущим котом, осыпанная пламенными розами, погребальным миртом, голубыми огоньками вербены, я не заметила, как сделала тот самый шаг, которого ждали от меня родители, как ушла в путешествие без возврата...

Когда Эльза Филаретовна вернулась домой, я увидела, что она разгневана. Профессор сказал ей, что будет осматривать меня в присутствии целой аудитории студентов-медиков. Я скривила лицо, собираясь заплакать,

но Эльза Филаретовна пламенно обняла меня и сказала, что никому не позволит смеяться над раздетым ребенком и что мы пойдем на консультацию к знакомому старичку, давнему ее поклоннику, который хорошо разбирается в этом заболевании, а родителям скажем, что были у светила. Я быстро на это согласилась и спросила ее о книге. “Деточка моя, эта прекраснейшая из книг написана писателем Метерлинком. О, как я мечтала сыграть сестру Беатрису... Но во времена моей молодости на сцене все больше ставили „Оптимистическую трагедию” и „Аристократов”, разбавленных классикой”. И всю ночь она читала мне вслух чудным голосом старой актрисы пьесы, в которых ей так и не довелось сыграть. Очарованная, под утро я спросила ее о цветах, выпавших из книги. Оказалось, им было столько лет, что в них могли уместиться семь моих жизней, все семь!.. Каждый цветок вез на себе воспоминания о любви, как синие стрекозы — малютку Дюймовочку. Тот, кто принес мак, погиб во время Первой мировой войны в Брусиловском прорыве. Сорвавший вербену большевик-чекист умер от скоротечной чахотки. Хмель подарил водитель трамвая, так сильно влюбленный в актрису, что всю свою комнату оклеил ее афишами. Вьюнок сорвал летчик, погибший на войне в Курской битве. Эльза Филаретовна сохранила им верность, бродя по заглохшим садам, сырым подземельям, мрачным пещерам, освещенным мириадами бликов ее памяти. Почему она положила цветы именно в эту книгу? Потому что героини ее говорят на внятном любому сердцу детском языке, потому что они сохранили верность детским “секретам”, потому что, даже состарившись, они так и остались детьми, потому что знак родства с ними заключен в ее диковинном имени — Эльза, ведь героини этой книги, все до единого, носят ангельские имена: Игрена, Алладина, Урсула, Маделена, Клорибелла, Эглантина, Жуазель...

Она провожала меня на вокзал с котом в корзинке, букетом настурций и цинний, который мы потеряли по пути, и взяла с меня слово, что я буду писать ей письма. И что я не скажу родителям, что толковые врачебные рекомендации даны безвестным старичком, старым ее поклонником. Я села в вагон, и Эльза Филаретовна стала удаляться от меня спиной в свое прошлое со своими любимыми, дарившими ей вечные цветы, один из которых, колокольчик, подаренный сгинувшим в сталинских лагерях священником, был заложен на странице со словами, летевшими впереди меня: “Неужели невозможно проникнуть в будущее, хотя бы необычайными, отчаянными усилиями, вступить в борьбу со временем и вырвать у годов — хотя бы они отомстили нам обоим — тайну, которую они так ревниво охраняют и в которой заключено нечто большее, чем наша собственная жизнь и наше счастье?..” Возможно, возможно, отвечали пламенные голубые розы и лепестки пурпурного мака, хрупкие нерушимые “секреты”, хранившиеся в старой книге, возможно, еще как возможно, — только сделай шаг.

При выполнении анализа рассказа Ирины Полянской (род. в 1952 году) «Детские «секреты» обратите внимание на следующие аспекты его художественной организации: особенности повествовательной структуры (на чью точку зрения сориентировано повествование?), особенности речевого портрета персонажа, художественные детали, раскрывающие характеры героев.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Текст №2

Борис Подгайный

НОЧЬ

Из темноты, где нет ни сентября, ни марта,
где нечто и ничто бредут своим путем,
где счастье ни к чему, поскольку нет азарта, —
быть может, различим и этот старый дом.

А в доме люди спят. И взрослые, и дети,
и жены, и мужья. Спят вместе или врозь.
А в доме полумрак. Лишь за окошком светит
рекламного щита неоновая гроздь.

От вздорного щита почти почти светло в прихожей,
Где любит спать порой мохнатый серый кот.
Назойливый неон кошачий сон тревожит,
и, широко зевнув, на ложе кот встает.

Зевнув еще разок и потянувшись томно,
загрюбок почесав и вылизав себя,
он слушает сперва сопенье сонных комнат,
потом идет смотреть на то, как люди спят.

Секретов снов людских мохнатый кот — свидетель,
движения его спокойны и легки.
Он слушает, о чем во сне бормочут дети,
он слышит, как во сне вздыхают старики.

По сущности своей любого сон печален:

уж слишком много слов в людских наивных снах.
И, выслушав их все, уходит кот из спален,
и в комнате садится у окна.

Сидит и смотрит кот глазищами своими,
а звезды шерсть его кошачью серебрят.
Он смотрит не на них, а в пустоту за ними,
Туда, где марта нет и нету сентября.

Выполните целостный анализ стихотворения Бориса Владимировича Подгайного (род. в 1964 году) «Ночь». Обратите внимание на особенности его содержания и формы (поэтики); средства звуковой изобразительности и их функции; бытовое и бытийное в художественной реальности Б. Подгайного; авторский замысел и особенности его воплощения. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Задание №2

Вы – известный филолог. Вам предложили разработать сценарий радиопередачи «Литературная жизнь замечательных вещей», в которой необходимо показать, как одна и та же вещь «живёт» у разных авторов, в разных произведениях мировой литературы (необходимо учесть предметное и символическое значение вещи). В этом выпуске вам предстоит рассказать о КОЛЬЦЕ.

- 1. Придумайте несколько тематических рубрик для радиопередачи, кратко напишите к ним пояснение.**
- 2. Назовите не менее трех художественных произведений, в которых встречается образ кольца. Свой выбор обоснуйте.**
- 3. Напишите тезисы выступления (объем – 150-200 слов).**